ГНОСЕОЛОГИЯ МУДРОСТИ

В. П. ВИЗГИН

Творческий философско-драматургический путь Габриэля Марселя (1889–1973)[1] вел его к тому, чтобы в поздние годы внутренне всегда ему присущую тему мудрости поставить в центр эксплицитного обдумывания.

Характерно, что важная для него работа о Рильке (1944) рассматривает австрийского поэта-мыслителя как «свидетеля духовного» (témoin du spirituel). С годами это сосредоточение на забытом в современной культуре понятии мудрости[2] набирает силу. В 1954 г. Марсель публикует книгу «Упадок мудрости», в которой подчеркивает основоположную истину: европейской культуры нет без опоры на ее «духовное наследие» (héritage spirituel). Последняя же философская книга французского мыслителя, если не считать надиктованных им в самом конце жизни мемуаров, опять же сконцентрирована на понятии мудрости («К трагической мудрости и за ее пределы», 1968).

Когда Марсель учился на философском факультете Сорбонны, в философском сообществе Франции почти безраздельно господствовал окрашенный в неокантианские тона интеллектуализм и позитивизм. Основной задачей философии считалось познание познания, причем познания, прежде всего, научного. Замечательным, высокой пробы примером подобного устремления мысли стала философия Леона Брюнсвика, главного идейного оппонента Марселя, им, кстати, высоко ценимого за его качества челове-

[1] Укажем последние изданные у нас переводы его важнейших философских книг и театральных пьес: Марсель Г. Пьесы / Пер. с франц. Гаянэ Тавризян. М., 2002; Марсель Г. Метафизический дневник / Пер. с франц. В. Ю. Быстрова. СПб., 2005; Марсель Г. Опыт конкретной философии / Пер. с франц. В. П. Большакова и В. П. Визгина; общ. ред., послесл. и примеч. В. П. Визгина. М., 2004; Марсель Г. Присутствие и бессмертие. Избранные работы / Пер. с франц., составление, общ. ред., предисл. и примеч. В. П. Визгина. М., 2007.

[2] С англо-саксонского берега европейской культуры звучит та же самая оценка ситуации, что и со старого континента: «Идея мудрости, – говорит Томас Элиот, – исчезла, и нам осталось бессвязное экспериментирование» (Элиот Т. Избранное: религия, культура, литература. Т. 1–2. М., 2004. С. 34).

ка и мыслителя, самоотверженно преданного делу философии. От этого тогдашнего «мейнстрима» Марселю помогло избавиться появление великого Бергсона, лекции которого в Коллеж де Франс он слушал с полным воодушевлением. Правда, с годами он понял пределы бергсонизма, кстати, с самого начала без энтузиазма встретив его окрашенную натурализмом «Творческую эволюцию». Но несравненно мощнее и глубже философских влияний было воздействие своей собственной судьбы. А она распорядилась так, что, еще не достигнув четырех лет, Марсель потерял мать. Брата или сестры у него не было. А со своей впечатлительностью и крайней подвижностью нервной конституции он так нуждался в них как в духовно близких собеседниках-друзьях! И вот рано развившийся (заметим: под влиянием отца, как, кстати, и в случае с Кьеркегором) дар воображения, позволяющий драматически видеть и слышать мир, ведет его к прозрению за «корой вещества» личностно-диалогической онтологии. Мы, конечно, говоря таким языком, забегаем вперед, но у нас просто нет возможности для подробного изложения маршрута мысли французского философа. Его мысль с самого ее зарождения питалась не столько *проблемой* научного познания мира или самого познания, сколько *тайной* драматического *существования* человека, тайной его внутреннего духовного созревания в остро конфликтном мире межличностных отношений. С самого начала его философского творчества, представленного, прежде всего, в его метафизико-дневниковых записях, в качестве безусловного аттрактора его поисков выступает мысль об обретении «абсолютного прибежища» (recours absolu). И совсем неудивительно, что философ-драматург находит такое «прибежище» в абсолютном «Ты».

Назвав выше такие концепты, как «существование», или «экзистенция», «тайна» как некий антипод «проблемы», наконец, указав на личностный и диалогический характер заполнения поля «онтологического требования» (l'exigence ontologique), мы уже тем самым ввели читателя в мир марселевской мысли. Экзистенциальное, духовное и онтологическое измерение в ней обладают полным приоритетом по отношению к измерению теоретико-познавательному. И, собственно, в этом состоит один из важных моментов мудрости французского мыслителя. Поставить до всех духовно-интеллектуальных «одиссей» отвлеченную проблему научно строгого познания познания – совсем не мудрое решение, если мы имеем в виду базовый пласт европейской традиции, а не ее «меандры», не ее «технологические» изыски, впрочем тоже не напрасные, если за подобное дело берется такой гениальный ум, как Иммануил Кант. Но ко времени молодости Марселя Erkenntnissproblem обрела характер массовой профессорской «забавы», порвав с тем мощным культурно-духовным ее горизонтом, который был еще ощутимым у кёнигсбергского философа.

Но мы хотим сказать не просто о Марселе как мудреце, а о Марселе как философе. А это означает, что простого пребывания в поле европейского «духовного наследия» с неотъемлемой от него традицией мудрости для него мало. Философ – это тот, кто вопрошает само поле своего духовного присутствия: как возможно пребывание в нем? При каких условиях оно возможно, если

возможно? Вот с подобного типа вопросов и начинался путь Марселя как философа существования с его «онтологической тайной», равно как и философа «двойной рефлексии». Последнее понятие высвечивает нам своего рода методологию французского философа. Он всегда рассматривал философию как искусство рефлексии – рефлексии предельно строгой и предметно конкретной. И себя он называл философом рефлексии. В ловушку упрощающих дело мысли альтернатив его не загонишь, если быть верным действительному пониманию его философии. Ни в ловушку такой альтернативы, как рационализм – иррационализм, ни такой, как объективизм – субъективизм. Свою философию он называл «конкретной», указывая этим на то, что она самым решительным и самым проработанным образом противостоит мысли, пробующей питаться исключительно «духом абстракции» (l'esprit d'abstraction). Этот дух преодолевается уже тем, что его мысль как обычная аналитическая рефлексия не останавливается на своих аналитико-рефлексивных результатах, а старается восстановить исходную доаналитическую, допредикативную целостность своего предмета. «Предмет» тем самым вообще становится не внешним предметом, а полем участия, полем синергии, в котором отделить субъекта мысли от ее объекта уже невозможно. В актах «второй» рефлексии мысль отдает должное тому, что она сама – лишь ответный жест на захватывающий мыслящую личность призыв, адресуемый нашей экзистенции тайной бытия. «Вторая» рефлексия (réflexion seconde), в частности, прорывает, как любил говорить философ, «монадический» горизонт своего самозамыкания, выходя в то «пространство» (этот концепт здесь не может не быть метафорическим) Диалога и Света, которыми мы все живы. И в этом пространстве загадки познания (connaissance) выступают как таинство признания и узнавания (reconnaissance). Верификация сменяется при этом *свидетельством* (témoignage). Частные истины объективного знания верифицируются, а духовно-экзистенциальные – свидетельствуются[3]. Вот об этом и идет речь в предлагаемой вниманию читателей лекции Габриэля Марселя, прочитанной им в г. Лувене (Бельгия) 13 февраля 1946 г.

[3] «Существуют частные истины, – говорит Марсель, – которые нельзя отделить от процесса их верификации, и истина духовная, не позволяющая ею обладать, но открытая лишь для соучастия в ней» (Marcel G. Lettre-préface // Prini P. Gabriel Marcel et la méthodologie de l'invérifiable. P., 1953. P. 10). Поле истинного не совпадает с полем верифицируемого. Идеалисты-интеллектуалисты типа Л. Брюнсвика ошибаются, отождествив эти поля.